

Глава первая

Уинч 1887 г.

Я смотрела в открытую могилу и мечтала выдавить из себя хоть одну слезинку. Бурные рыдания — это, конечно, проявление невероятно дурного вкуса, но мисс Нелл Харботтл была моим опекуном с самого детства, и пара слезинок стала бы проявлением должного уважения. Викарий пробормотал подобающие молитвы приятным, бархатным голосом, слегка запинаясь на каждом «с». Я впервые заметила эту особенность, и оставалось надеяться, что тетя Нелл не будет этим задета. Она была крайне требовательна в некоторых вещах, и хорошая дикция входила в их число. Со вздохом я положила в карман сухой платок. Смерть тети Нелл не оказалась ни внезапной, ни неожиданной, и наши отношения можно было назвать в лучшем случае чуть теплыми. То, что с ее смертью я окончательно рассталась с детством, не сильно меня беспокоило, когда я стояла на тихом церковном погосте в Литтл-Байфилде. Напротив, я с некоторым смущением ощутила, как во мне растет чувство некой эйфории.

И как будто в ответ на мое настроение подул легкий ветерок, и в нем закружились два бледных крылышка с черными краями и пятнышками. «*Pieris brassicae*», — пробормотала я себе под нос. Капустница

Вероника Спидвелл

обыкновенная, встречается на каждом шагу, но от этого не менее красивая. Она упорхнула на поиски молодой капусты или вкусных настурций, свободная как ветер. Я прекрасно знала, как она себя чувствует. Тетя Нелл была последним обязательством, связывавшим меня с Англией; теперь я стала совершенно свободной и могла идти по миру своим собственным путем.

Викарий завершил молитвы и подал мне знак. Я шагнула вперед и взяла горсть земли, не снимая перчаток. Это была хорошая земля: темная, мягкая, рассыпчатая.

— Какая бессмысленная трата, — пробормотала я. — Для сада она была бы полезней.

«Но это же и есть сад, — вдруг осознала я, обведя взглядом надгробия, выстроившиеся в плотные аккуратные ряды. — Сад мертвых, и его обитатели посажены в землю, чтобы мирно покоиться здесь до тех пор, пока труба Господа не призовет их восстать. По крайней мере, так им обещал викарий. Лично мне все это казалось очень сомнительным мероприятием. Вот, например, не будут ли вновь восставшие ужасно грязными?» Стряхнув с себя странные мысли, я шагнула вперед и бросила землю. В глухом стуке о крышку гроба мне послышалась некая завершенность; я отряхнула перчатки.

Кто-то деликатно тронул меня за локоть.

— Моя дорогая мисс Спидвелл, — сказал викарий, мягко увлекая меня за собой, — мы с миссис Клаттерторп были бы счастливы, если бы вы зашли к нам немного подкрепить свои силы.

Он ласково улыбнулся.

— Знаю, вы не хотели устраивать ничего официального, но, может быть, просто чашечку чая, чтобы согреться? Ветер сегодня свежий.

Интригующее начало

Меня не особенно радовала идея пить чай с викарием и его скучной женой, но согласиться оказалось проще, чем придумать предлог для отказа.

Викарий повел меня через ворота церковной ограды по тропинке, ведущей к массивному и неуклюжему зданию ректории. Викарий говорил не умолкая, его слова журчали, как вода; он явно выполнял какие-то указания, преподанные ему в семинарии, например: «Успокоительные беседы с людьми, только что потерявшими близких». Я улыбнулась ему вежливой полуулыбкой, означавшей, что я слушаю, и вновь погрузилась в свои мысли. Но о чем бы я ни задумывалась, меня все время отвлекало странное чувство, будто за нами наблюдают. Я оглянулась назад и заметила в воротах человека, высокого, с красивой, прямой осанкой, которую джентльмен приобретает благодаря или многим поколениям с аристократическим воспитанием, или усердным наказаниям в лучших школах. В его усах, пышных, длинных и закрученных на концах в элегантные колечки, было что-то иностранное, и даже издали я заметила тонкие следы старых шрамов, пересекавших его левую щеку. «Значит, немец, — решила я, — или австриец. Такие шрамы могли быть только у тевтонов, ведь именно у них есть кровожадная привычка тыкать друг в друга саблями ради спортивного интереса. Но что за дело могло быть у аристократа с континента, заставившее его рыскать у церковного погоста в такой ничем не примечательной деревушке, как Литтл-Байфилд?»

Я повернулась к викарию, чтобы задать ему этот вопрос, но краем глаза уловила некое движение и поняла, что наш посетитель ускользнул. Я перестала думать о нем и вскоре уже сидела в душной гостиной в доме викария, с чашкой чая и тарелкой сэндвичей. Занятая

Френика Спидвелл

утомительными сборами вещей в нашем коттедже, я не успела даже подумать о еде в часы, последовавшие за смертью тети Нелл. Я усердно принялась за сэндвичи и пирог; у викария была прекрасная кухарка.

Жена викария слегка приподняла брови, удивляясь моему непомерному аппетиту.

— Я рада, что вы в состоянии немного подкрепить свои силы, мисс Спидвелл.

Я ничего не ответила. Мой рот был занят тортом «Виктория», но даже если б и не был, кажется, в такой ситуации не существовало вежливого ответа. Викарий с женой обменялись многозначительными взглядами; викарий откашлялся.

— Моя дорогая мисс Спидвелл, мы с миссис Клаттерторп, конечно, живо заинтересованы в благополучии всех жителей нашей деревни, а так как вы и ваша тетя переехали сюда относительно недавно, мы готовы предоставить вам любую возможную помощь и поддержку в эти трудные времена.

Я сделала глоток чая, с удовлетворением отметив, что он обжигает горяч и достаточно крепок. Я ненавидела слабость любого рода, и прежде всего — в своем чае. Но то, что викарий подчеркнул наш «недавний» переезд в деревню, задело меня. Тетя Нелл и правда переехала в маленький коттедж в Литтл-Байфилд только после смерти тети Люси, около трех лет назад, но английские деревни вообще живут крайне замкнуто. Неважно, сколько носков она связала для бедняков или сколько монет собрала на ремонт церковной крыши, тетя Нелл всегда была бы здесь новичком, даже если прожила бы среди этих людей полвека. Я ощутила, как во мне зашевелился бунтарский дух, и решила, что теперь, после ухода тети Нелл, нет никакой необходимости его сдерживать.

Интригующее начало

— Она не была моей тетей.

Викарий моргнул.

— Прошу прощения?

— Мисс Нелл Харботтл не была моей тетей. Она так называла себя из соображений удобства, но мы не были родней. Мисс Харботтл и ее сестра, мисс Люси Харботтл, взяли меня к себе и вырастили. Если точнее, я была незаконнорожденной сиротой-подкидышем.

Жена викария выпрямилась на своем стуле.

— Дорогая, вы так открыто говорите о подобных вещах.

— А что, не следует? — спросила я как можно более вежливо. — Нет ничего постыдного в том, что я сирота, и даже в том, что мои родители не были женаты — по крайней мере, ничего, чего бы мне следовало стыдиться. Просто так уж мне привелось родиться, вот и все.

Еще один обмен многозначительными взглядами между викарием и его женой, но я сделала вид, что не заметила этого. Я осознавала, что мои суждения о подобных материях крайне необычны. Пока я росла, мы постоянно переезжали с места на место, и в каждой деревушке, какой бы милой и тихой она ни была, находился тот, кто начинал сплетничать и осуждать. Факт, что моя фамилия отличалась от фамилии моих опекунов, всегда вызывал подозрения, и очень скоро я начинала слышать перешептывания о том, что грехи отцов отражаются на детях, иногда из уст самой тети Нелл. Тетя Люси всегда меня защищала. Ее никогда не покидала теплая привязанность ко мне, но что касается тети Нелл, то ее характер испортился, а нервы расшатались из-за постоянных переездов. Она насто-роженно смотрела на то, как я росла, и со временем эта насто-роженность стала отдаленно напоминать неприязнь. Пока за мной присматривала тетя Люси,

Вероника Снагвелл

тетя Нелл редко осмеливалась облекать свои чувства в слова, но я понимала, что ее просто выводят из себя мое прекрасное душевное состояние и отменное здоровье. Думаю, она сочла бы более правильным, если бы у меня был горб или лицо в рытвинах, что выдавало бы во мне продукт греха. Я понимала: причина ее возмущения в том, что она оказалась отвергнутой, будто носила особую печать, и становилась объектом сплетен у того самого христианского люда, к которому она так страстно желала себя причислить, такого как, к примеру, Клаттерторпы.

— Боюсь, мы не имели удовольствия быть знакомы с сестрой мисс Харботтл, — начал викарий.

Я восприняла это предложение как просьбу рассказать подробнее и быстро проглотила кусок пирога, чтобы ее выполнить.

— Мисс Люси Харботтл умерла около трех лет назад в Кенте... Ой, нет, я ошиблась, — я в задумчивости постучала пальцем по лбу, — это было в Ланкашире, уже после Кента.

— В самом деле? Кажется, вы жили во многих местах, — заметила жена викария, и только по слегка поджатым губам можно было догадаться, что менять дома почти так же часто, как ботинки, не казалось ей признаком хорошего вкуса.

Я пожала плечами.

— Мои опекуны не любили подолгу жить на одном месте. Мы часто переезжали, и мне посчастливилось пожить почти во всех уголках этой страны.

Ее губы сжались еще сильнее.

— Я не могу этого понять, — решительно произнесла миссис Клаттерторп. — Это неправильно: срывать ребенка с места таким бесцеремонным образом. Нужно обеспечить постоянный дом тому, кого растить.

Интригующее начало

У миссис Клаттерторп не было собственных детей, и она имела склонность к подобным заявлениям. Она также очень любила раздавать указания о том, как детей следует воспитывать, кормить, одевать и обучать грамоте. Ее муж, вероятно, уже научился игнорировать подобные высказывания, но я, будучи относительно новым человеком в деревне, пока еще к этому не привыкла.

Я посмотрела на жену викария так же отстраненно, как могла бы рассматривать раздавленную гусеницу.

— Правда? Я нахожу это довольно обыкновенным и очень полезным делом, — сказала я наконец.

— Полезным? — Викарий в удивлении приподнял брови.

— Я научилась общаться с очень разными людьми при разнообразных обстоятельствах, не нуждаться ни в ком для развлечения и ни от кого не ждать поддержки. Я обрела уверенность в себе и независимость и могу положиться на эти качества в нынешней ситуации.

Его брови вернулись на место.

— Да, вы как раз и подвели нас к самой сути этой беседы, — сказал он с видимым облегчением.

Прежде чем он успел продолжить, жена привычно перебила его.

— Дорогая, вы, без сомнения, сочтете нас излишне навязчивыми, — начала она, наградив меня взглядом, позволяющим мне именно так и поступить, — но нас с викарием крайне беспокоит ваше благополучие.

Я проглотила последний кусок пирога и стряхнула с пальцев крошки.

— Вы действуете из лучших побуждений, миссис Клаттерторп, я в этом не сомневаюсь. Но смею вас уверить: я сама могу прекрасно позаботиться о своем благополучии.

Вероника Спидвелл

Мистер Клаттерторп казался немного обескураженным, но его супругу было не так легко смутить. Она сухо мне улыбнулась.

— Не сомневаюсь, что вы так считаете. Но юные леди, — сказала она с легким ударением на слове «юные», означавшим, что в действительности она подразумевала нечто совсем иное, — не всегда понимают, что для них будет лучше. Вы должны позволить нам руководить вами, отдав должное нашим годам и житейской мудрости.

Я взглянула на мистера Клаттерторпа, но не нашла у него поддержки. Он так внимательно изучал сэндвич с рыбным паштетом, будто это была самая интересная вещь на свете. Я его не виню. Мне кажется, что самым простым путем к спокойной жизни для него была капитуляция перед женой при всякой возможности.

— Как я уже сказала, миссис Клаттерторп, я уже все устроила сама.

Викарий радостно поднял глаза от сэндвича.

— А, так, значит, вы устроены? Ты слышала, Марджори? Нам не нужно больше беспокоиться о мисс Спидвелл, — закончил он, повернувшись к жене с веселой улыбкой.

Она сжала губы.

— Что бы там ни устроила мисс Спидвелл, я уверена, она быстро все отменит, как только узнает о моем разговоре с мистером Бриттеном сегодня утром, — сказала она с удовлетворением.

— Мистер Бриттен — это фермер с крепким хозяйством, очень преуспевающий, — продолжала она. — И с тех пор, как умерла бедная миссис Бриттен, он очень нуждается в жене для себя и матери для своих малышей. Вы станете матерью шестерых!

Интригующее начало

Я наклонила голову и смотрела на жену vicария в задумчивости, размышляя над ответом. Наконец я решила сказать правду без всяких прикрас.

— Миссис Клаттерторп, мне сложно представить себе более печальную участь, чем быть матерью шестерых детей. Пожалуй, хуже может быть только чума, да и то, убеждена, несколько безобразных бубонов и вероятная смерть были бы для меня предпочтительнее материнства.

На секунду она стала белой как полотно, затем ее щеки запылали. Vicарий вынул платок и закашлялся, но, когда я предложила ему помощь, отказался, добродушно отмахнувшись.

К миссис Клаттерторп вернулось самообладание, но она с такой силой вцепилась в подлокотники своего стула, что под тонкой кожей проступили все костяшки пальцев.

— Я слышала, что вы любите пошутить. Вероятно, вас очень забавляет смущение благовоспитанной публики.

Я всплеснула руками и постаралась придать лицу нужное выражение.

— Нет-нет, что вы, миссис Клаттерторп, я никого не хочу смущать. Это как-то само происходит. У меня есть ужасная привычка: говорить то, что думаю, — а от такого сложно избавиться, так что теперь вы сами видите, что предложение выйти замуж за этого мистера Бриттена совершенно никуда не годится.

— Это не мое предложение никуда не годится, — холодно отчеканила она. — До сих пор я игнорировала слухи, долетавшие до моих ушей, относительно вашего поведения за границей, но раз вы сами настаиваете на честности, давайте поговорим начистоту.

Вероника Спидвелл

Я улыbnулась ей с испепеляющей вежливостью и отвела самым ласковым голосом:

— Какие слухи, миссис Клаттерторп?

Краска, уже почти сошедшая, снова залила ее лицо; оно даже покрылось пятнами. Она метнула взгляд на мужа, но он поспешно наклонился, занявшись пуговицами на своих ботинках, чтобы спрятать глаза.

— Приличная женщина не должна говорить о подобных вещах, — ответила она, явно наслаждаясь возможностью заняться именно этим.

— Но вы сами затронули их в разговоре, — вежливо напомнила я. — Так что давайте поговорим открыто. Что за слухи?

— Ну что ж, прекрасно, — с вызовом сказала она. — Мне достоверно известно, что во время своего путешествия на Сицилию вы аморально вели себя с неким американцем.

Она осмотрела меня с ног до головы; в ее глазах читалось осуждение.

— О да, мисс Спидвелл, мы наслышаны о вашем нескромном поведении. Вам очень повезло, что мистер Бриттен готов закрыть глаза на подобные недостатки в своей будущей жене.

Моя улыбка больше напоминала волчий оскал.

— А кто же ему о них рассказал? Не отвечайте, думаю, я и сама догадалась.

Я поднялась и взяла перчатки. Викарий вскочил на ноги, но я жестом остановила его.

— Благодарю вас за вашу доброту во время тетиной болезни. Мы больше не увидимся. Уже сегодня вечером я отправляюсь в следующее путешествие.

Он заговорщически кивнул.

— Опять бабочки?

— А что же еще?

Интригующе начало

Он пожал мне руку, но, прежде чем я успела спастись бегством, миссис Клаттерторп вскочила на ноги и бросилась в новую атаку.

— Вы глупая и разнузданная особа, — решительно заявила она. — Вы не можете вот так, в одиночку, отправиться в большой мир и отказаться от перспективы прекрасно выйти замуж за человека, который готов сквозь пальцы смотреть на несмыываемый позор совершенных вами беззаконий.

— Я определенно намерена сама быть хозяйкой собственной судьбы, миссис Клаттерторп, но понимаю, каким странным это может казаться вам. Не ваша вина, что вы абсолютно лишены воображения. Я бы списала это на ваше образование.

Миссис Клаттерторп застыла с открытым ртом, беззвучно шевеля губами.

Я прошла мимо нее, но в прихожей обернулась.

— Да, кстати, и можете сказать своим источникам, что на Сицилии был не американец, а швед. Американец был в Коста-Рике.

Глава вторая

Шагая по тропинке к коттеджу «Королек», я вдруг осознала, какой легкой стала моя поступь. Нужно быть благодарной Клаттерторпам, — подумала я. Я чувствовала себя немного вяло после долгих мрачных месяцев, когда уходила тетя Нелл, но визит к викарию очень меня взбодрил. Мой характер всегда проявлялся в полной мере, когда кто-то пытался мне помешать; бедные тетя Нелл и тетя Люси узнали это на собственном горьком опыте. Я была упрямым, своенравным ребенком и, повзрослев, начала осознавать, чего стоило этим двум старым девам приспособиться к нему и найти для него место в своей жизни. Именно поэтому, став старше, я прилагала все усилия, чтобы обуздать свое упрямство и быть с ними веселой и спокойной. И по этой же причине мне пришлось в конце концов спастись бегством: при каждом удобном случае я меняла Англию на тропический климат, где могла предаваться своей страсти к лепидоптерологии. Во время первой же экспедиции по изучению бабочек, которую я предприняла в возрасте восемнадцати лет (тогда я месяц прожила в Швейцарии), я обнаружила, что мужчины могут быть почти так же интересны, как мотыльки.

Совершенно неудивительно, что я испытывала по отношению к ним такое любопытство. Ведь я выросла в доме, населенном исключительно женщинами.

Интригующее начало

Дружба с противоположным полом активно не поощрялась, и единственными мужчинами, кто хоть изредка показывался в наших дверях, были те, кто олицетворял собой важные профессии: врачи и викарии в выцветших черных плащах, с мрачным выражением лица. Деревенские мальчишки и кузнецы в кожаных фартуках были строго за пределами моего общения, и когда прекрасный экземпляр этого пола предоставил себя для более близкого изучения, я поступила так, как поступил бы всякий хороший студент-биолог. Первый поцелуй мне обеспечил пастух в лесу неподалеку от Женевы. Я наняла его проводником на альпийский луг, где можно было бы с пользой применить мой сачок для ловли бабочек. И пока я нацеливалась на *Polyommatus damon*, он нацелился на меня, и вскоре поцелуи показались мне даже лучшим развлечением, чем бабочки. По крайней мере, на один вечер. Этот опыт принес мне огромное удовольствие, но я ясно осознавала, с какими проблемами могу столкнуться, если не буду в достаточной степени осторожна. Вернувшись в Англию, я досконально изучила устройство своего организма и, вооружившись необходимыми знаниями и предосторожностями, а также экземпляром крайне информативного «Искусства любви» Овидия, в полной мере наслаждалась новым исследованием бабочек и еще более — незаконными удовольствиями.

Со временем я выработала ряд правил, от которых никогда не отступала. Хотя я и позволяла себе легкие увлечения во время путешествий, но никогда не пыталась вступать в отношения в Англии или с англичанами, не допускала свободы в обращении с женатыми или обрученными джентльменами и ни с кем не поддерживала переписку по возвращении домой. Моими трофеями становились холостые иностранцы, привлекавшие меня

Вероника Снагвелл

своим обаянием, красивой внешностью, а также обходительностью. Это были курортные романы, легкие и недолговечные, как пух на одуванчиках, но от этого приносящие не меньшее удовольствие. Я безмерно наслаждалась ими в путешествиях и каждый раз возвращалась в Англию отдохнувшей, насытившейся и в прекрасном расположении духа. Я была бы счастлива рекомендовать такие занятия любой девице из круга моих знакомств, но достаточно хорошо понимала всю тщетность подобных предложений. То, что для меня было лишь полезными для здоровья упражнениями и милым флиртом, считалось ужаснейшим грехом для дам наподобие миссис Клаттерторп, а мир был полон Клаттерторпами.

Наклонившись, чтобы сорвать веточку ракичника, я подумала, что скоро все это останется в прошлом. Его лепестки пылали ярко-желтым цветом, напоминая о том, что скоро наступит долгое солнечное лето, которое я проведу не в Англии, — осознала я со смешанным чувством. Всякий раз перед началом нового путешествия я ощущала прилив ностальгии, острой, как игла. Эта поездка должна занести меня на другой конец земного шара, на край Тихого океана, и, вероятно, на долгое время. Я провела долгие холодные весенние месяцы у постели тети Нелл, накладывая горчичники и читая вслух духоподъемные романы, и все это время мечтала только о жарких, душных джунглях на острове, где над головой порхают бабочки размером с ладонь.

Мечты хорошо отвлекали меня от вечного недовольства тети Нелл. Она была то раздражительной, то мрачной, негодовала на то, что умирает, и испытывала отвращение, оттого что не может сделать это быстрее. Доктор прописал ей большие дозы морфина, и она редко бывала в ясном сознании. Много раз я замечала,

Интригующее начало

что она смотрит на меня, губы приоткрыты, будто собирается заговорить. Но не успевала я вопросительно приподнять бровь, как она вновь закрывала рот и отсылала меня. Так продолжалось до тех пор, пока ее совершенно неожиданно не настиг последний приступ; тогда она пыталась заговорить, но поняла, что уже не может. Лишившись речи, она пробовала писать, но ее руки были очень слабы, непослушны после удара, который и сковал ее язык; она так и умерла с чем-то недосказанным.

— Скорее всего, она хотела напомнить мне, что нужно заплатить молочнику, — сказала я, вставив веточку ракутника в петлицу. Но я оплачивала счета за молоко так же быстро и эффективно, как вообще все, что я делала в последние месяцы. Все дела с доктором, мясником и пекарем уже были улажены. Я оплатила аренду коттеджа до конца квартала на Иванов день. Большая часть мебели была вывезена и продана, осталось лишь несколько предметов, бывших в коттедже изначально: пара стульев, кухонный стол, страшно вытертый ковер да жалкий натюрморт, будто бы написанный человеком, не выносившим фрукты. Все имущество Харболтов и последние из бережно собранных мною бабочек были проданы, чтобы спонсировать мою следующую экспедицию.

Все, что мне оставалось сделать, — это взять свой небольшой саквояж и оставить ключ от дома под половиком. При условии, конечно, что я смогу найти ключ. Народ в деревне удивительно свободно относился к таким вещам, как ключи, и к тому, чтобы дожидаться приглашения, — отметила я, остановившись у порога. Дверь коттеджа была приоткрыта, и я почти не сомневалась в том, что одна из деревенских матрон воспользовалась моим отсутствием, чтобы заглянуть ко мне со

Вероника Снагвелл

сладким или мясным пирогом мне на ужин. Тетя Нелл не была настолько популярна, чтобы собрать на свои похороны обитателей Литтл-Байфилда, но подходящая незамужняя девица могла привлечь к себе их всем скопом, с бисквитами и утешениями или, того хуже, непристроенными сыновьями. «Невестка с хорошими навыками сиделки стала бы огромной удачей для любой старой вдовы», — с содроганием подумала я. Я распахнула дверь, готовясь исполнить свой долг и предложить чая, но приветствие замерло у меня на губах. Гостиная была совершенно разгромлена, ковер — усыпан обломками плетеного кресла. Единственная картина (посредственный натюрморт) была изрезана, а рама — разбита в щепки; подушки приоконного диванчика испорчены, и пух из них до сих пор лениво кружил по комнате.

Когда мой взгляд упал на оседавшие на пол перья, я осознала, что, кто бы все это ни сотворил, он был здесь всего несколько минут назад. И тут же из кухни послышался скрип. Я была не одна.

Мысли так быстро пронеслись в моей голове, что я не успела все как следует обдумать. За моей спиной была открытая дверь. Я вошла бесшумно. Чтобы сбежать, мне достаточно было повернуться на каблуках и выскользнуть на улицу тем же путем, что и пришла. Но вместо этого моя рука будто по собственной воле потянулась к стойке для зонтиков и вытащила оттуда меч-трость, приобретенный мною в Италии.

Сердце забилося в предвкушении. Меч-трость был серьезной вещицей, сделан из хорошего, крепкого дерева. Я нажала на кнопку, чтобы приоткрыть футляр, и клинок высвободился с легким сопротивлением. Само лезвие притупилось, ведь уже несколько лет никто не натачивал его и не смазывал маслом, но мне приятно было смотреть на опасно блестящее острие. «Лучше

Интригующее начало

колоть, а не рубить», — напомнила я себе, двигаясь в сторону кухни.

Шум и звон в ней подсказывали мне, что грабитель еще не улизнул, более того, не догадывался о моем присутствии. У меня было преимущество внезапности, и, вооружившись им, а также моим клинком, я распахнула дверь и издала крик, который, в моем представлении, должен был напоминать боевой клич маори.

В тот же миг я осознала свою ошибку. Мужчина был огромный, и только тогда я сообразила, что пренебрегла существенной предосторожностью: соразмерить свои силы с силами противника до того, как бросаться в атаку. В высоту он был гораздо больше шести футов, а плечи имел такие широкие, что они перегородили бы любой дверной проем. Он был в твидовой кепке, низко опущенной на глаза и почти полностью скрывавшей лицо, но я различила огненно-рыжую бороду и недвольную гримасу от внезапного вторжения.

К моему удивлению, он не воспользовался преимуществом своей комплекции, чтобы одолеть меня; а вместо этого опрокинул длинный сосновый стол, чтобы преградить мне путь. Самым осторожным в этом случае было бы просто дать ему уйти, но я не видела особого обаяния в осторожности. При виде разгромленного дома во мне вскипел гнев, и, не успев принять взвешенного решения, я перескочила через стол и бросилась за ним по садовой дорожке. Он превосходил меня размерами, но у меня было преимущество на местности; в отличие от него, я знала здесь каждый уголок. Он бежал по мощеной дорожке к краю сада, туда, где проходила большая дорога, а я резко свернула налево, решив срезать путь через живую изгородь. Я нырнула в густые заросли и, запыхавшись, вынырнула с противоположной стороны как раз в тот

Вероника Снагвени

момент, когда он пробегал мимо. Я успела рывком ухватить его за рукав.

Он вздрогнул, глаза его широко раскрылись от удивления и смятения. Мгновение он колебался, и я подняла свой меч-трость.

— Что вы делали в коттедже «Королек»? — воскликнула я.

Он метнул взгляд в конец дороги, где его ждал экипаж, и, кажется, на что-то решился. Я вновь взмахнула мечом, но он просто подался вперед, отвел клинок в сторону одной мощной рукой, а другой крепко схватил меня за запястье. Он резко вывернул мне руку, и я, вскрикнув, выронила трость.

Он потащил меня к экипажу. Я упиралась изо всех сил, но совершенно без толку. Моя худенькая фигурка, хоть и достаточно спортивная и гибкая для ловли бабочек, не представляла сколько-нибудь ощутимого препятствия для преступных намерений этого типа. Я наклонила голову и вцепилась зубами в самую мясистую часть его ладони, у основания большого пальца. Он взвыл от боли и ярости и начал трясти рукой, но меня при этом не выпустил. Другой рукой он схватил меня за горло и сжимал тем сильнее, чем глубже я вонзалась в него зубами, словно терьер в крысу.

— Сейчас же отпусти ее! — послышался голос позади нас.

Я взглянула через плечо и увидела джентльмена с континента, которого заметила утром в воротах. Он был старше, чем мне тогда показалось; с такого расстояния я различила морщинки вокруг глаз и глубокие складки на обеих щеках, а на левой — многочисленные шрамы от дуэлей. Но перед этим негодяем джентльмен не стал обнажать шпагу. Вместо этого он держал в руке револьвер, целясь прямо в мерзавца.

Интригующее начало

— Пусть проваливает к чертям! — прорычал тот и грубо толкнул меня прямо в руки джентльмена. Мой спаситель бросил револьвер, чтобы меня подхватить, и осторожно вновь поставил на ноги.

— Мисс Спидвелл, вы в порядке? — спросил он с большим беспокойством.

Я лишь простонала от нетерпения, так как грабитель уже добрался до конца дороги и вскочил в поджидавший его экипаж. Лошади сорвались с места, и повозка понеслась так, будто сами адские псы гнались за ней.

— Он сейчас уйдет!

— Думаю, это к лучшему, — мягко ответил мой герой, убирая револьвер.

Я повернулась к нему и тут заметила, что его бровь обильно кровоточит.

— Вы ранены, — сказала я, кивком указав ему на голову.

Он прижал к ране палец и слегка улыбнулся.

— Пожалуй, я уже староват, чтобы продираться через изгородь. — Он горестно усмехнулся. — Но, думаю, это не столь тяжелая рана, как мне доводилось получать прежде, — добавил он, и мой взгляд упал на шрамы на его щеке.

— И все же ее стоит обработать.

Я вытащила из кармана носовой платок (не смешной тонкий лоскуток, из тех, что носят модные дамы, а нормальных размеров квадрат из прочного батиста), прижала к его брови и, улыбнувшись, добавила:

— Никак не могла ожидать подобных приключений в такой деревушке, как Литтл-Байфилд. Спасибо вам за то, что вы так вовремя вмешались, сэр. Я была готова прокусить ему руку до кости, но рада, что необходимость в этом отпала. Он был не очень-то приятен на вкус, — добавила я с гримасой отвращения.